

Чухе Ким

Любовь в конце времён

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К40

A LOVE STORY FROM THE END OF THE WORLD

Copyright © 2025 by Juhea Kim. All rights reserved.

Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers

Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Чухе Ким*

Перевод с английского *Кирилла Батыгина*

Литературный редактор *Екатерина Казарова*

Консультант-африканист *Станислав Белецкий*

Консультант-скандинавист *Елена Дорофеева*

Ким, Чухе.

К40 Любовь в конце времён / Чухе Ким ; [перевод с
английского К. Батыгина]. — Москва : Эксмо, 2026.
— 288 с.

ISBN 978-5-04-243207-1

Чухе Ким, писательница, поборница защиты окружающей среды, лауреатка премии «Ясная Поляна», предлагает подумать о вечной теме — любви.

Что такое любовь? Любовь же многолика и порой принимает крайне замысловатые формы. От всепоглощающей любви к себе, любви к родным и друзьям до невероятной связи со всеми живыми существами и родной планетой. Автор деликатно подталкивает нас к мысли: — если мы не изменим отношение к окружающей среде, то можем лишиться не только любви, но и более привычных радостей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243207-1

Посвящается тем душам,
которые заслуживали света,

Spiriti di molto valore

и тем душам, которые
их оплакивают

Биокупол

ТРИНАДЦАТОЕ АПРЕЛЯ. ПОЧТИ ПОЛНОЧЬ. ЧЕРЕЗ ПОТЕРТЫЕ САРЖЕВЫЕ ЗАНАВЕСКИ в квартиру текучим янтарем проливался вязкий свет. Пак умыл лицо в ванной, принял лекарства и уселся на диване с пультом. Одно нажатие — и искусственное голубое сияние телевизора смешалось с золотистым свечением цвета натрия, наводнявшим комнату. Пак пробежался по каналам. Телеигры. Конкурсанты соревнуются за деньги, за брак. Женщины выставляют себя напоказ, покачивая бедрами и подмигивая в объектив, а затем красоток ранжируют по громкости аплодисментов. Люди умиляются щеночкам. Замедленная съемка крупным планом какого-то нового гибридного продукта, редкого деликатеса. Мужчину заставляют есть лоснящуюся жиром грудку мяса и сыра, пока его лицо не покрывается потом, а изо рта не вырывается утомленный стон. Восклицания, рукоплескания, охи-вздохи, смех.

Два профессора сидят друг напротив друга на фоне черной ширмы. Никаких зрителей, никаких аплодисментов.

— Целые поколения детей растут, не зная смысла слов «дождь», «снег», «облака», они ни разу не видели море или закат. И вы утверждаете, что это не нравственный кризис? — заявляет эксперт справа, профес-

сор литературоведения из Сеульского национального университета.

— Вы допускаете свойственную романтикам ошибку, отождествляя естественное с нравственным. Природа сама по себе ни хороша ни плоха. Как и технологии, которыми формируют или контролируют природу, не высоконравственны и не безнравственны как таковые. Лет двести назад наши предки спорили о нравственности «железных коней». Или вы будете утверждать, что подземка — исчадие зла, поскольку она прорезает землю и перевозит людей по герметичным подземным ходам? — отзывается эксперт слева, профессор философии из Университета *Корё*. — Технологии — это прежде всего про пользу, а не про этику.

— С моей стороны было бы большой самонадеянностью приравнивать, по вашему утверждению, природу к нравственности. Но вот вам пример. Вы же знаете, что язык формирует мысли, идеи и моральные принципы. Даже вам придется согласиться, что в корейском языке слово «Бог», «син», буквально означает «Дражайшее Небо». И задолго до того, как я, с ваших же слов, романтизировал природу, наш народ на протяжении пяти тысяч лет использовал почерпнутые из той же природы слова для описания того, что хорошо и свято. А когда люди перестают понимать, что такое небо — многие представители младшего поколения вообще его никогда не видели? — как они могут иметь представление о Боге?

— Вы неверно понимаете природу веры. Бог — по крайней мере в христианской традиции — не предполагает репрезентации или доказательств. Если человеку

для признания Бога нужно небо, это нельзя считать подлинной верой, — самодовольно объявляет профессор философии, прежде чем совершить решающий выпад. — Вы сентиментальны.

— Я не сентиментален. Я — человек, — спокойно отвечает оппонент.

В том же духе они продолжили разглагольствовать и дальше. Пак отключил телевизор.

— Приятное место, — заметил Пак.

Они сидели во дворике изысканного ресторана в районе Каннам, в окружении шпалер и пергол, увитых розами, жасмином и другими темными пышными растениями, которые Паку были незнакомы. Официанты в жилетах беззвучно проносились мимо мотыльками, зажигая свечу за свечой.

— Сколько раз вы уже бывали на таких встречах? — спросила Чина.

— Каких?

— Вы знаете, о чем я, на *матсонах*, свиданиях вслепую.

— В смысле?

— Вам уже тридцать пять, а вы не женаты, значит, у вас уже было не менее двадцати таких свиданий.

— Что еще вы знаете обо мне?

— Сваха предоставила всю обычную информацию. Рост, внешность. Вы — старший инженер Управления охраны окружающей среды, выпускник Сеульского университета, один из лучших на курсе. Но семейно-

го капитала или возможности самостоятельно оплатить новую квартиру для нас у вас нет. Вы — единственный сын вдовы, а это гарантированно отпугнет меркантильных особ. Что касается физических качеств, у вас слабые легкие — распространенная проблема среди тех, кто родился до Био. Но, насколько я знаю, вы входите в десятую долю процента обладателей самого высокого коэффициента умственного развития. Так что мы можем составить неплохую пару.

— А вы весьма прямолинейны, в этом вам не откажешь.

— Поделюсь соображениями. Мне двадцать восемь, я — младшая из трех дочерей, родителям не терпится отделаться от меня. Мои старшие сестры вышли замуж в двадцать шесть, хотя я гораздо красивее и умнее их обеих. Родители полагают, что проблема — в моем характере. Я не пытаюсь держать рот на замке, чтобы польстить мужчине, который тупее меня. Вы не против, если я закурю? — сказала она, уже протягивая руку к своему портсигару.

— Пожалуйста.

— Я страшно устала от бесконечных увещаний и махинаций родителей. Я готова покончить со всем этим и выйти за того, кого они сочтут подходящим кандидатом. У меня нет сил. Понимаете, о чем я?

— Думаю, да.

Она улыbnулась.

— Знаете, смешно получается. Мне кажется, будто с вами я могу быть откровенной. Со мной такое далеко не всегда бывает. Сваха не зря говорила, что мы паразитально подходим друг другу по знакам зодиака.

— Западным или нашим?

Она приподняла бровь.

— Нашим, конечно же. С какой стати мне доверять западной астрологии в таком важном вопросе, как брак? Их астрология — полная чепуха.

— На мой взгляд, они примерно равнозначны, — заметил Пак.

Чина рассмеялась перезвоном серебристого колокольчика.

— Я рада, что вы не согласны со мной. Я переживала, что вы окажетесь одним из тех худосочных, забитых инженеров, у которых, похоже, не бывает собственного мнения. И не поймите меня превратно, но первое впечатление от вас вполне соответствовало этим ожиданиям. Но вы умеете давать отпор... Мне это нравится. — Она затянулась сигаретой. — Чувствую, что мы с вами отлично поладим.

Паку и хотелось бы придумать какой-нибудь язвительный комментарий в ответ, но ничего не пришло в голову. Сам он еще не был уверен, нравится ему Чина или нет. У нее было белое лицо в форме сердечка и длинные блестящие волосы, спадавшие до середины спины. Она была в канареечно-желтом шелковом платье-футляре, которое подчеркивало кожу цвета слоновой кости и черные как смоль волосы. Сосредоточив взгляд на ее обнаженных руках, Пак почти что ощутил аромат духов с запястий и локтей — цветочный, с легкой нотой мускуса. Да, пожалуй, она была красива. Только он не был уверен, что когда-нибудь сможет испытать к ней чувства.

— Вы очень милая, — наконец признал Пак.

Глаза Чина закружились в танце: она привыкла к комплиментам и уже начинала терять терпение.

— Милая? — промурлыкала она.

— Ваше платье. Красивое, — смущенно пробормотал Пак.

— Да, конечно, мне тоже так кажется. Оно желтое, вот я его и надела. А почему вы проигнорировали Желтый день? Могли бы надеть галстук или что-то другое.

У Пака не было желтого галстука, желтых носков или чего-то в этом роде. Весь день коллеги на работе подшучивали, что он саботирует дух праздника¹.

— Неужто вы из тех, кто вечно обламывает всем веселье, управляющий Пак? Вы же хотите избежать невезения в наступающем году?

Один из коллег, младший инженер, даже в шутку предложил обменяться носками, чтобы у каждого было по одному желтому носку. И хотя Паку нравились доброжелательные подтрунивания на работе, про себя он радовался, что не участвует во всем этом.

— Я в такое вообще не верю, — признался Пак.

— Да вы вообще ни во что не верите. Ни в астрологию, ни в Желтый день... — Чина снова улыбнулась. — А есть что-то, во что вы верите?

И правда, во что он верил? Он и сам не знал. Он лишь мог с уверенностью сказать, во что не мог верить.

¹ В наше время Желтый день — неофициально отмечаемый в Южной Корее 14 мая праздник любви. В этот день принято надевать желтую одежду и дарить друг другу желтые розы. — Здесь и далее прим. пер.

На следующее утро после Желтого дня Нью-Сеул, как обычно, окрасился в сепию. Когда-то давным-давно деревья становились золотистыми в сентябре и октябре — по крайней мере, так Пака учили на уроках биологии. Однако листья с фотографий не имели ничего общего с местным светом, который отличался сыроватым красно-коричневым оттенком отдаленных воспоминаний. Желтый день увековечивал не осеннюю листву, а Желтый песок, который каждую весну надувало западным ветром из пустынь Китая и Монголии. Это явление нашло отражение в древнейших хрониках Кореи и имело историю по меньшей мере в два тысячелетия. На протяжении большей части XX века песчаная буря приходила на три дня в апреле и оставляла после себя по всей стране, от городов до деревень, плотный слой пыли. В дальнейшем, по мере расширения пустыни на территории Китая, стала удлиняться и продолжительность песчаных бурь: семь дней, потом двенадцать, двадцать пять, сорок три, шестьдесят семь... С каждым следующим годом западный ветер переносил над Желтым морем все больше песка. К моменту рождения Пака на Корейский полуостров, по подсчетам специалистов, каждый год обрушивался миллион тонн песка в год — этого объема было бы достаточно, чтобы заполнить доверху 66 667 мусоровозов.

Одним из первых последствий Желтой бури стало полное отсутствие весны. Никаких цветов или посиделок в парке на скамейках под головокружительный запах прогревающего траву солнца. Днем небо всегда

оставалось темно-серым, насыщенным посторонними частицами; по ночам оно сияло неземным красным. В период Желтой бури нельзя было выходить наружу: как только открывалась входная дверь, песок начинал жалить лицо и голую кожу тысячей пчел, забиваться в глаза, нос и рот, пока ресницы не покрывались пепельными корочками. Даже после того как буря заканчивалась, токсичный песок с примесями тяжелых металлов и пестицидов оставался в атмосфере, так что каждый вдох — и дома, и на улице — мог вызвать астму, бесконечный кашель, высыпания на коже, раковые опухоли и слепоту. Песок перемешивался с облаками и ниспадал кислотным дождем, расплавлявшим деревья и посадки. И без того высокие цены на продовольствие подскочили до астрономических величин. Но даже если у вас были деньги, на полках магазинов все равно ничего не задерживалось, поэтому те, у кого деньги были, предпочитали уезжать за рубеж. Уровень загрязнения в водохранилищах и системе водоснабжения вырос настолько, что воду из-под крана нельзя было не только пить, но и даже готовить на ней. Реки переполнились тысячамидохлых рыб. Начались протесты с требованиями к правительству принять меры, а потом и беспорядки — вспышки хаоса во имя того, чтобы оставшиеся незначительные ресурсы сменили собственников, прежде чем материального обеспечения не останется вовсе.

В Нью-Сеуле беднякам приходилось перед едой пересчитывать порции риса, которые сначала исчислялись сотней зерен, а потом сократились до десяти зерен на ужин. Когда и этого не оставалось, семья, держась за

руки, вместе укладывалась в постель, заведомо зная, что они больше не проснутся.

Конечным и единственным спасением стал Биокупол, достроенный 14 апреля, ровно тридцать лет назад. Первый Желтый день. Когда купол только построили, никто не возражал, не высказывался по поводу святости Неба или человечности Природы. Все радовались тому, что живы и могут дышать воздухом, не тревожась по поводу рака гортани или легких. Био, как окрестили купол, представлял собой прозрачную полусферу диаметром пятьдесят километров над Нью-Сеулом. Он блокировал Желтый песок и впускал те остатки солнечного света, которые пробивались через тяжелые частицы. Внутри Био всегда был подернут дымкой цвета сепии — не от песка, летящего над куполом, а от совокупного сияния миллионов неоновых светильников, денно и нощно отражавшегося от внутренней поверхности Биокупола вулканическим коричневатым оттенком с красным подтоном.

Разумеется, Био устранил вместе с песком любые другие осадки, однако люди обнаружили, что стабильная внутренняя влажность и грунтовые воды исключают потребность в дождях. Это было поистине произведение инженерного искусства — первый в мире успешный пример закрытого обитаемого убежища в таких масштабах. И это оказался тот случай, когда проблема также подсказала и решение: технологии Био стали главной и самой прибыльной статьёй экспорта для Кореи, так что даже при практически полном импорте продовольствия и иных товаров, которые они сами уже не производили, корейцы добились небывалого процветания.